

М. П. АЙЗЕНШТАТ

ПРОШЛОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В статье анализируется фактор прошлого в повседневной жизни, политическом поведении англичан и британских политических институтах. Рассматривается также роль прошлого в формировании мировоззрения вигов и тори и в их парламентской полемике второй половины XVIII в.

Ключевые слова: *политическая культура, история, прошлое, парламент, парламентские дебаты, виги, тори, радикалы.*

Изучение истории исторической мысли в течение последних двадцати лет превратилось в одно из динамично развивающихся направлений интеллектуальной истории, характерной чертой которого стал выход за пределы исследования историописания, сводимого к изучению представлений того или иного автора об истории, ее методах, целях и т.д. Встал, в частности, вопрос как о «физической» судьбе рукописи автора: её публикации, распространении, формировании библиотек, так и её «духовного» существования в интеллектуальной жизни общества: понимания авторских идей читателем, ретрансляции прочитанного, либо собственной интерпретации текста¹.

Особое место в современных исследованиях заняла проблема значимости исторического знания в политической жизни общества². Конкретное исследование разнообразных проявлений их связи позволяет не только раздвинуть границы традиционных подходов к анализу политической истории, но и существенно расширяет возможности изучения состояния и форм исторической мысли в обществе на разных этапах его истории. Данная статья представляет собой попытку рассмотреть место прошлого в политической культуре Британии второй половины XVIII в. Под политической культурой подразумевается совокупность средств, каналов, моделей поведения, через которые осуществляется вхождение индивида в политику, а также, его деятельность в ней, что предполагает единство политических знаний, сознания, убеждений и ценностей, действия и институтов³. Избранный период – в силу особенностей его по-

---

¹ См.: Репина, Зверева, Парамонова 2013; Бодров 2006; Репина (отв. ред.) 2008; Бобкова, Мереминский (отв. ред.). 2008; Айзенштаг (отв. ред.) 2012; и др.

² Вандалковская 1992; Гене 2002; Айзенштаг 2011.

³ <http://rudocs.exdot.com/docs/index-55052.html>.

литической истории – дает возможность выявить как стабильность, так и изменения роли прошлого в политической культуре Британии. Осветить проблему полностью в рамках одной статьи невозможно. Здесь будут обозначены лишь наиболее значимые аспекты.

Исторический опыт – неотъемлемая часть политической культуры любой страны. Но в складывании и функционировании британской государственно-политической и правовой систем прошлое занимает особое место. Это наглядно демонстрируют сессии парламента, их открытие и закрытие, повседневная рутинная законотворческая деятельность. Взаимосвязь прошлого и политики в Британии обозначилась ещё в Средние века. Издавна исторические сочинения служили обоснованием претензий на ту или иную территорию и права монарха на престол⁴. Со временем эта связь приобрела институциональное измерение: прецедент и традиции стали одной из основ жизни английского парламента, его структуры, легли в основу механизма функционирования обеих палат привилегий депутатского корпуса, определив процедуру заседаний, ритуалы, привилегии депутатского корпуса (избрание спикера, свобода слова, неприкосновенность личности).

Обращение антиквариев к истории острова и парламента в начале царствования Якова I Стюарта явилось реакцией на политику монарха. В то же время оно отражало усиление позиций нового дворянства и буржуазии, их стремление укрепить роль парламента утверждениями о том, что он появился раньше королевской власти. Запрет деятельности общества антиквариев стал ответом властей, что подчеркнуло политический характер и политическую значимость исторических изысканий. Апелляция к прошлому усилилась в преддверии Английской революции и в годы гражданской войны, когда роялисты во главе с Карлом I и сторонники парламента обосновывали свои позиции. В первой половине XVIII в. в исторических произведениях и в памфлетной литературе те или иные события прошлого использовались для выражения позиций парламентских группировок тори и вигов по насущным государственно-политическим и нравственным проблемам.

Вторая половина XVIII в. стала временем резких поворотов в политической истории страны, в которых отразились важные перемены, обусловленные началом промышленной революции, ростом городов и городского населения. Так, 1750-е годы – последнее десятилетие правления Георга II – отмечено безраздельным правлением вигов. Со смертью наследника престола в 1751 г. оппозиция потеряла высокого покров-

---

⁴ См., напр.: Браун 2012. С. 204-217.

вителя и находилась в довольно беспомощном состоянии. Смена монарха в 1760 г. принесла кардинальные изменения. Георг III отстранил вигов, к власти пришли так называемые друзья короля, теперь виги оказались в оппозиции. 1760-е годы отмечены завершением Семилетней войны и зарождением радикализма. В 1770-е – разразилась война с американскими колонистами, а в конце 1780-х произошла революция во Франции. 1790-е гг. принесли начало войны с революционной, а затем наполеоновской Францией. К концу века центр политической жизни переместился в парламент. И дело было не только в развитости политической системы, но и в изменении образа института монархии⁵, особенностях правления Георга III и его болезни. Именно тогда была признана роль первого министра – как первого среди равных, что еще в первой половине XVIII в. отрицалось современниками. На протяжении всех этих десятилетий виги изредка на непродолжительный срок приходили во власть. Они не были единой парламентской партией, а представляли собой несколько группировок, которые возглавляли представители аристократических родов. Несмотря на отстранение от власти, отсутствие сплоченности, виги оставались значимым элементом функционирования политической системы. Находясь в оппозиции, они подвергали критике действия кабинета, выявляли слабые стороны его политики.

Все эти события внешне- и внутривнутриполитического характера, совпав по времени с началом промышленной революции, отразились на жизни общества, особенно в связи с ростом государственного долга и налогового бремени. Среди спонтанных протестов экономического толка появляются движения особого рода – за права и свободы, «с древних времен» принадлежавшие британцам. Они явились реакцией на действия властей, среди них наиболее значительные – стали протест фермеров юга Британии против налога на сидр, против поправок прав депутатов (Д. Уилкса и Ф. Бердета), против преследования прессы⁶.

Проявились изменения и в политическом поведении. Как виги, так и радикалы начинают активнее использовать внепарламентские методы борьбы, а именно: образование различного рода политических объединений и клубов, проведение собраний (митингов) по разным поводам, использование набиравшей силу прессы. Хотя результаты не всегда совпадали с первоначальными целями, эти явления свидетельствовали о начавшихся переменах в настроении общества⁷.

---

⁵ Smith H. 2006.

⁶ Айзенштат 2009. С. 103-122.

⁷ Подробнее об этом см.: Айзенштат. 2008. С. 53-55.

В условиях экономической нестабильности и новшеств в политике возрастало значение опыта прошлого как стабилизирующего фактора. К историческим фактам и событиям обращались юристы, философы и литераторы⁸. Прошлое сохраняло значение в общественной жизни, выполняя воспитательные, назидательные функции. История Британии и других стран играла роль своеобразной «кладовой», из которой можно было черпать позитивные и негативные примеры как поступков людей, так и действий властей. Прежде всего, важная роль отводилась биографиям государственных деятелей, полководцев, политиков, ученых. Интерес к таким сочинениям был чрезвычайно велик⁹. Связь с прошлым проявлялась и в повседневной жизни основной части населения – сельских жителей, самого консервативного слоя общества. Их предки десятилетиями, если не веками, жили на возделываемой земле, сохранялись устоявшиеся взаимоотношения с землевладельцем и соседями. Политическое поведение фермеров и части арендаторов при наличии соответствующего избирательного имущественного ценза проявлялось на голосовании во время выборов. Обычно они действовали в соответствии с указаниями местного лорда, а случаи избирательной борьбы были редки¹⁰. В жизни деревни традиции сохраняли важнейшее значение, однако начавшаяся урбанизация обозначила разрыв с ними, а уже мигранты в качестве наемных работников впоследствии вовлекались в радикальное движение – изменение социального статуса вело к изменению политических взглядов и политического поведения. Усиливалась роль исторического опыта в общественном сознании и в политике, чему немало способствовали публикации ярких сочинений, оказавших влияние на развитие исторической и общественно-политической мысли Британии.

Среди таких произведений – «Письма об изучении и пользе истории» Генри Сент-Джона лорда Болингброка, одного из наиболее известных мыслителей английского Просвещения, и «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.» Д. Юма. «Письма...» были написаны в 1736 г., а опубликованы после смерти автора в 1752 г. И до конца века вышло пять изданий¹¹, что, вне всякого сомнения, является свидетельством популярности труда Болингброка. Юм в 1754 г. издал первые два тома, посвященные периоду правления Стю-

---

⁸ См., например, перечень исторических сочинений просветителя, драматурга О. Голдсмита. (Голдсмит. 1974. С. 375-376).

⁹ Это значение возрастало в трудах британских интеллектуалов в следующем столетии: Соколов 2014, 249-262.

¹⁰ Айзенштат 2010. С. 307-322.

¹¹ Барг, Авдеева 1998. С. 182.

артов, затронув, тем самым, бурную эпоху, отзвуки которой продолжали волновать современников. В полном объеме «История...» появилась в 1763 г., а впоследствии неоднократно переиздавалась, что также являлось показателем пристального внимания читателей¹².

Необходимо также назвать имена К. Маколей, У. Годвина, Э. Гиббона, Э. Берка, Т. Пейна и др. В своих произведениях они напрямую или косвенно обращались к разным эпохам¹³, тем не менее, их истории (или упоминание событий и фактов прошедших десятилетий и столетий) являлись отражением непосредственной реакции на события, происходившие в стране и мире. Именно такая апелляция к прошлому, продиктованная проблемами сегодняшнего дня, и может быть названа одним из важнейших факторов общественной жизни. Как и в период, предшествовавший Английской революции, когда назревал политический кризис и возрастала социальная напряженность, возникла настоятельная потребность найти в прошлом ответы на волновавшие общество вопросы, найти истоки или причины кризисных явлений настоящего.

Во второй половине века благодаря росту грамотности все более широко распространялась пресса. Наряду с газетами издавались журналы¹⁴. Тройственный характер функций прессы – средства информации, средства формирования и отражения общественного мнения. По количеству продаваемых экземпляров и откликам читателей редакторы могли судить о реакции общества на издательскую линию, приспосабливаться к его мнению, предугадывать и определять изменения в настроениях и предпочтениях читателей разных социальных слоев.

В журналах видное место занимали различного рода материалы об истории: сообщения об опубликованных книгах, рецензии, наконец, исторические очерки, в основном посвященные государственным деятелям, полководцам, людям, жизнь и смерть которых вызывала повышенный интерес в обществе. При этом разброс событий и персонажей был чрезвычайно велик: от Емельяна Пугачева, царевича Димитрия, Оливера Кромвеля до У. Питта Старшего. Чаще всего это были не традиционные для сегодняшнего дня биографии с указанием времени и места рождения, жизненного пути, занимаемых постов и т.д. Скорее это

---

¹² Подробнее см.: Там же. С. 292-304; Креленко 2012. С. 66-74; и др.

¹³ Репина, Зверева, Парамонова 2004. С. 145-149; Креленко 2009. С. 45-47; Чудинов 1996. С. 60-101; Ингер 1973; и др.

¹⁴ См., например: The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer; The Parliamentary Register or History of the proceedings and debates of the House of commons; The New Annual Register; The Jockey club; or a sketch of the manners of the Age; The Political magazine, and Parliamentary, Naval, Military, and Literary journal, etc.

были портреты, в которых давалась характеристика личностных черт. Они являлись ярким показателем интереса к истории как своего рода к учителю, наставляющему читателя. Так, в очерке о Дж. Гренвиле автор писал о его благородстве и бескорыстии, «намерении принести благополучие обществу», о том, что он был амбициозным человеком, но свое возвышение связывал не с мелкими политическими интригами или поддержкой двора, а приход к власти для него означал возможность служения народу¹⁵. Эти эссе вызвали живой отклик читателей, но не всех удовлетворяла традиционная форма. Один из читателей сетовал, что издается много биографий, но среди них нет хороших; он полагал, что они должны сопровождаться описанием «характера эпохи и страны»¹⁶.

Обращение к традициям играло важную роль в мировоззрении непримиримых тори, базируясь на принципах наследственной монархии. Вплоть до 1780-х гг. эта позиция препятствовала признанию тори прав на престол Ганноверского дома. А идея радикалов о кардинальной реформе системы представительства была призвана вернуть народу политические права, принадлежавшие ему в древности¹⁷.

Наиболее ярко роль прошлого проявилась в жизни и взглядах вигов. Благодаря праву первородства поместье и дом оставались в распоряжении старшего наследника мужского рода. В доме находились поколениями собиравшийся фамильный архив и библиотека, портреты предков. С детства познавались семейные легенды и предания, рассказы о деяниях прадедов: так отпрыски вигов погружались в атмосферу прошлого. Одновременно им внушалась гордость за принадлежность к вигам, пренебрежительное, если не враждебное отношение к тори. Эти чувства также имели обоснования, уходившие корнями в исторические события и историческую память. Семейными традициями был обусловлен выбор школы и университета, где они получали образование, женитьба, а также карьера на политическом поприще в лагере вигов.

Связь с прошлым для политиков приобретала особое значение: прецедентное право распространялось на судебные дела и законотворческую деятельность парламента, поэтому представители депутатского корпуса должны были обладать основательными знаниями по истории права и парламента¹⁸. В то же время они демонстрировали доскональное знание кровнородственных связей окружавших людей. Тот или

---

¹⁵ London magazine ... for the 1775. February. P. 64-65.

¹⁶ London magazine ... for the 1778. January. P. 7.

¹⁷ Семенов. 2008. С. 129-131.

¹⁸ Честерфилд 1971. С. 298-299.

иной человек рассматривался и оценивался в контексте череды сложно переплетенных браков и рождения детей в прошлом и настоящем¹⁹. Кроме того, в повседневной жизни и политическом споре виги часто обращались к опыту прошлого. Исторические анекдоты (удачные фразы, забавные или парадоксальные ситуации, имевшие место в истории страны) являлись обычным явлением в речах и разговорах, что нашло яркое отражение в их переписке²⁰. В истории Британии виги видели себя не просто поборниками прав и свобод своей страны. В первой половине века утвердилось их представление о собственной роли в истории страны. Они видели себя хранителями традиций парламента в периоды кризисов, и такая самооценка во многом обусловила характер их обращения к прошлому в парламентской полемике²¹.

Апелляция к прошлому стала неотъемлемой частью парламентской риторики, как вигов, так и тори в силу прецедентного права, но на протяжении десятилетий она претерпела заметные изменения.

При обсуждении законопроектов традиционно упоминались подобные акты прежних королей, их имена и годы правления²². При этом ораторы нередко проявляли не просто хорошее знание, а глубокое погружение в предысторию рассматриваемого билля²³. Такие обращения рутинного характера, присущи в наибольшей мере 1750-м годам, когда ими сопровождалось прохождение практически каждого законопроекта. Со временем произошло их сокращение, а в 1790-е гг. ссылки на прецедент стали уже скорее исключением. Так, для вига Ч.Д. Фокса подобная ссылка была продиктована не поиском прецедента, а борьбой с главой кабинета. Представляя себя защитником конституции, на деле Фокс стремился сместить У. Питта Младшего с поста²⁴. Сокращение рутинных упоминаний было обусловлено внутренними и внешними причинами. В парламенте появились билли, которые не имели прецедента. К ним можно отнести широкий круг вопросов, связанных с взбунтовавшимися американскими колониями, или акты по Ост-Индской компании, которые являлись, по сути, вмешательством в дела и структуру торговой монопольной компании. В силу этих обстоятельств можно

---

¹⁹ См., например: Walpole 1840. V. 2. P. 260, 403, etc.

²⁰ Честерфилд 1971. С. 32, 33-34, 44, 74-75, 88-89, 121 и др.; Walpole 1840. P. 278, 285, 312, 325; Cavendish. 1982. P. 57-58.

²¹ Mitchell 2007. P. 1-15.

²² См., например: обсуждение вопроса о ночной страже г. Бристоль. / The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15. P. 469-479. (Далее – PH).

²³ Ibid. P. 365-375, 249-262, etc.

²⁴ The Parliamentary register; or, history of the proceedings... V. 1. P. 100-103.

также говорить о постепенном сокращении значения прецедента в законотворческой деятельности депутатского корпуса.

Опыт прошлого становился особенно востребованным в кризисных ситуациях. Примером может служить длительная парламентская полемика по вопросу о выборах, отмеченных небывалым размахом злоупотреблений. Внимание парламента с ноября 1754 г. было приковано к результатам выборов в графстве Оксфорд в связи с поступившими жалобами на их проведение, и утверждением четырех «рыцарей» от графства, вместо положенных двух. В избирательной кампании приняли участие по два представителя «нового» (т.е. виги) и «старого интереса» (т.е. тори). Она отличалась небывалым накалом, который свидетельствовал не только о политическом размежевании жителей графства, но и о размахе подкупов. Обеим сторонам кампании обошлись очень дорого²⁵, что говорило об использовании коррупционных приемов. Необходимость в надлежащий срок объявить результаты, а главным образом боязнь утвердить избрание оппозиционных кандидатов и послужили причиной вынесения шерифом окончательного решения вопреки установленным порядкам. В результате никто из четверых не мог заседать в палате, а графство оказалось лишенным своих представителей в ней.

В палате прозвучало оправдание действий шерифа, вынужденного поступить, по утверждению оратора, исходя из интересов собственной безопасности. Высказывания Чарльза Мордаунта, сославшегося на прецеденты²⁶, определили направление дискуссии: оправдание или обвинение шерифа, апелляция к прошлому, определение источника опасности для конституции, либо утверждение полного её отсутствия. Находившиеся у власти виги склонялись к оправданию действий шерифа экстраординарными обстоятельствами, в силу которых он был вынужден предоставить на суд палаты окончательное решение. Они высказывались против необоснованного беспокойства, так как именно необоснованная тревога более столетия тому назад (в годы Английской революции – *М.А.*) привела к наихудшим последствиям, изменив устройство церкви и государства²⁷. В ходе прений внимание было сконцентрировано на вопросе о копигольдерах. Так, Фрэнсис Дэшвуд посчитал его «вопросом чрезвычайной важности» в связи с тем, что в графствах проживают копигольдеры, которые имеют доход в 40 шил-

---

²⁵ Современники полагали, что была истрачена «невероятная» сумма – более 5,5 тысяч фунтов. The Grenville papers. V. 1. P. 132, note.

²⁶ РН. V. 15. P. 395-398.

²⁷ Ibid. P. 401-404.

линггов (размер избирательного ценза для графств) и выше. И если специально не оговорить в законе, то шерифы смогут воспользоваться их голосами. Шерифов назначает премьер-министр, поэтому исключается возможность избрания независимых от правительства кандидатов, что ведет к усилению власти двора. История Рима, говорил он, показывает, что правление с «тенью» парламента или сената, может быть более деспотичным и тягостным для народа, чем абсолютная монархия: достаточно сравнить правление любого из цезарей или других императоров Рима с тиранией турецкого султана. Конституция в опасности, поэтому в руках шерифов не должно быть права допускать или не допускать копигольдеров к выборам²⁸.

Представители оппозиции категорически высказались против наделения копигольдеров правом голоса. Фригольдеры всегда имели это право как владельцы земли, как народ, представители общин (people). Но вопрос о копигольдерах должен быть рассмотрен и уточнен²⁹.

Виг Гораций Уолпол отверг предположения об опасности для конституции. Копигольдеры, утверждал он, никогда не голосовали и не должны были голосовать. Как держатели земли по воле их лорда, они не представляют собой часть народа, а являются низшим слоем древних жителей, которым саксы позволили жить среди них и служить им после завоевания Англии. По этой причине их называют местными жителями или туземным населением (natives). От саксов они получили небольшие наделы земли, чтобы могли обеспечить себя и свои семьи³⁰.

Уолпол обратился к более близким временам, когда, по его словам, мятежные бароны вырвали у Генриха III указ о выборах двух рыцарей от каждого графства, двух – от каждого города и двух – от каждого местечка, тогда фригольдеры получили право голоса. После победы над баронами указ был отменен, но восстановлен при Эдуарде I. Со времен Елизаветы шерифы порой допускали копигольдеров к выборам, что рассматривалось арендаторами как тяжкая повинность³¹. Но уже много лет, как прежде зависимые копигольдеры стали свободными в связи с тем, что их держание превратилось в ренту по обычаю манора, а кое-где и по закону. Свободу копигольдеров Уолпол связывал также с тем, что в период правления Вильгельма и Марии их включили в состав присяжных. Копигольдер свободен, как и фригольдер; при условии получения

²⁸ РН. V. 15. P. 431-437.

²⁹ Ibid. P. 437-441.

³⁰ Об обычаях, статусе фригольдеров и копигольдеров см.: Винокурова 2002.

³¹ Тяжесть такой повинности объяснялась тем, что избиратели должны были оплатить расходы по поездке своего представителя в парламенте.

дохода в 300 фунтов в год он уже именуется джентльменом и может заседать в палате как представитель своего округа; а при наличии дохода в 600 фунтов – от графства. В этом Уолпол видел большое преимущество для конституции и свободы. Сравнивая государство с пирамидой, он говорил, что его устойчивость зависит от крепкого и обширного базиса. Его создает конституция, дающая право каждому свободному человеку принимать участие в законодательном органе лично или через представителя. На данный момент большинство копигольдеров лишено этого, но их наделение таким правом прибавит силы конституции. Более того, их надо также наделить правом полноценного участия в делах советов графств. Тем самым, оратор высказался за расширение электората и политических прав значительной части населения страны³².

Если в выступлении Уолпола прозвучало признание элементов развития (изменение статуса копигольдеров)³³, то в речах тори проявилось полное его отрицание. Ричард Бекфорд обстоятельно описал строй германцев, по произведениям Тацита, Цезаря и древней истории Британии. Саксонская армия состояла из некоего числа племен, и возглавлялась принцем. Завоеванные земли поделены между вождями племен в соответствии с их численностью, и образовались графства. Свою долю вожди разделили на части – маноры, а солдатам выделялся участок земли (этим оратор объяснял различия в размерах графств, маноров и владений). Таким путем саксонские свободные мужчины получили право выбирать магистраты и гражданских чиновников. Только позднее им было дано право избирать представителей в парламент. Сегодня все жители королевства свободны, но это не означает, что они имеют право выбирать рыцарей в графствах. Бедняки не придают значения благам свободы, следовательно, они будут продавать ее, восторгаясь титулами и экипажами состоятельных людей, и тогда могут быть избраны недостойные люди, которые будут продаваться за пенсии и другие блага, усилится влияние шерифов. Все вместе это приведет к изменению баланса сил во властных институтах. Конституция будет в опасности, если не запретить участие копигольдеров в выборах. Нельзя доверять свободы тем, кто не заинтересован в их сохранении³⁴.

Длительная и бурная полемика, вызванная выборами в графстве Оксфорд, дает представление о мировоззрении политической элиты середины века, когда роль тори была незначительной, а борьба за власть

---

³² РН. V.15. P. 441-450.

³³ В этом вопросе Уолпола поддержали и другие виги. Ibid. P. 458-463.

³⁴ Ibid. P. 450-458.

шла между группировками вигов. Обращение к завоеванию германскими племенами служило дополнительным обоснованием воцарения Ганноверского дома в Британии. В то же время дискуссия о копигольдерах выявила утвердившееся представление о том, что дворянство и фригольдеры являлись прямыми потомками завоевателей, а копигольдеры – потомками «туземного населения», сохранившегося со времен саксонского завоевания, что можно рассматривать как отрицание развития.

Конкретная политическая ситуация отразилась на восприятии и интерпретации событий Английской революции, личности и деятельности Карла I. В середине XVIII в. ни имя самого короля, ни его законы практически не упоминаются членами палаты. Одна из причин умолчания кроется в «беспарламентском правлении» Карла I, что исключало ссылки на прецедент. Вместе с тем ситуация осложнялась недавней (1745–46 гг.) попыткой Стюартов вернуть престол³⁵. Она стала последней, но современники не могли этого знать. Прозрачные намеки на бурные события того времени служили скорее доводом устрашения оппозиции, чем аргументом в политической полемике.

Однако в начале семидесятых годов, когда власть Ганноверов укрепилась, а Стюарты прекратили свои попытки, происходят заметные изменения. Всё чаще звучит имя Карла I, нередко именовавшегося «несчастливым королем». Наиболее часто упоминаемым событием прошлого становится Английская революция середины XVII века. Обращение к ней происходило в контексте упоминаний ошибок власти. Уже в январе 1770 года. Э. Берк довольно резко реагировал на слова членов кабинета о том, что в обществе отсутствует недовольство по поводу Миддлсекских выборов. Берк утверждал: «Министры несчастного Карла I рассказывали те же сказки, что мы слышим сейчас, сегодня прибегают к тому же искусству обмана». Эта фатальная лож сопутствовала Карлу вплоть до его смертного часа, утверждал он³⁶. Лорд Кэмден, упомянув корабельные сборы (они вызвали негодование в народе), восклицал: тогда тоже говорили, что власть действует законно, но парламент отменил их позднее как незаконный сбор³⁷.

Полковник Барэ при рассмотрении дела газетчиков 1770–71 гг. упомянул «насилие» Карла I, когда он вошел в палату, с тем чтобы арестовать 5 её членов, как не имевший прецедента. Одним ударом,

---

³⁵ Отчасти именно сложностью обстановки можно объяснить и негативный поначалу прием сочинения Д. Юма.

³⁶ РН, v. 16. P. 721.

³⁷ РН, v. 16. P. 963.

как Калигула, можно разрушить конституцию и отправить в свою Бастилию тех, кто защищает свободу страны. Но насилием и террором нельзя погасить древний огонь свободы острова, заключил оратор³⁸.

Обращение к событиям Английской революции напрямую было связано с непродуманными шагами правительства в отношении американских колоний. Так, Т. Тауншенд утверждал, что те, кто поднял оружие против короля, действовали безупречно, более того, они заслуживают похвалы³⁹. Р. Ньюдигейт в ответ заявлял, что сам он не является защитником каждого акта Карла I, но ни один историк, каковы бы ни были его дарования, не станет защищать тех, кто выступил против Карла I⁴⁰. По мере обострения ситуации с американскими колонистами усилился мотив сравнения событий кануна Английской или Славной революций, настроений колонистов и подданных Карла I. В нижней палате Джонстон утверждал: теперь ясно, что народ Америки преисполнен тем же настроением и решительным духом, и побуждаем тем же энтузиазмом, с которым наши предки восстали против требований короны в дни правления Карла I и встали на защиту высоких доктрин парламентского превосходства. В противном случае американцев ждет сокращение их свобод до уровня «свобод» жителей владений Франции или Испании⁴¹.

Возрастание числа упоминаний Английской революции, прежде всего, проявилось во вновь и вновь повторявшихся сравнениях обложения налога на чай колонистов с корабельными сборами, которые ввел Карл I⁴². Либеральное крыло обеих палат призывало кабинет, а через него и монарха, к благоразумию. Д. Уилкс предупреждал: если политика Лондона не будет взвешенной, то впоследствии американцы станут праздновать 1775 год, как мы празднуем 1688-й. Усилия дедов в борьбе за свободу увенчались успехом, период нашей истории, который наполняет нас гордостью, был восстанием против незаконной власти, основанным на законах божьих и людских: праве сопротивления тирану⁴³. Аргументы как сторонников правительства, так и оппозиции, пытавшейся предотвратить «силовой вариант» решения вопроса, не ограничивались только аналогиями с революциями XVII в. Вопросы, так или иначе связанные с положением дел в колониях, неизбежно вызывали

---

³⁸ РН, v. 17. P. 152.

³⁹ РН, v. 17. P. 315.

⁴⁰ РН, v. 17. P. 316. В речи прозвучал явный намек на «Историю» Д. Юма.

⁴¹ РН, v. 18. P. 60.

⁴² РН, v. 17. P.1203, 1211

⁴³ РН, v. 18. P. 238-239. См. также: P. 254.

апелляцию к прошлому, причем форма таких обращений была различной. Ораторы прибегали не только к фактам, но и к легендам и мифам, когда возникал образ отца и сына и отец поступал несправедливо⁴⁴.

Тенденции, обозначившиеся в 1750-1770-х гг., получили дальнейшее развитие с рубежа 1780-90-х гг. Прежде всего, необходимо отметить усиление обращения к опыту прошедших лет. При этом разброс поводов, побуждавших членов обеих палат апеллировать к нему, был довольно велик: от положения дел в стране до конфликта России и Турции⁴⁵. Все чаще звучали ссылки на конституцию, и не на акты, а на гражданские свободы. Безопасность личности и собственности, свобода прессы, права на оружие, представительство и суд присяжных, расценивались как наследство, доставшееся от предков⁴⁶. Своего рода сакрализация конституции, по которой, по мнению вигов, парламент жил с древнейших времен, являлась показателем сокращения власти монарха и двора и превращения парламента в центр политической жизни.

Упоминания о конституции активизировало обсуждение дел во Франции. В обществе радикалы и виги (на начальном этапе революции) с восторгом встретили известия об ограничении власти короля и разработке конституции. В палате общин горячими сторонниками французской революции были Фокс и Шеридан. Иную позицию занял Берк. Он категорически высказался против сравнения событий во Франции со Славной революцией. В Англии была другая ситуация, утверждал он. Настоящие патриоты выступили против деспотизма Якова II. Цвет английской аристократии обратился к принцу Оранскому, принцу королевской крови. Они призвали его защитить древнюю конституцию, что тот и сделал. Ничто не было разрушено в стране: ни церковь, ни армия, ни торговля⁴⁷. Интерпретация Французской революции, основанная на ином видении событий Славной революции, привела к окончательному разрыву Берка с группировкой Фокса, а в дальнейшем – к появлению на свет его самого известного сочинения «Размышления о революции во Франции» и зарождению консервативной мысли в Британии.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что прошлое занимало значимое место в политической культуре Британии на институциональном, интеллектуальном и повседневном уровнях. Оно определяло функционирование парламента, борьбу тори, вигов и радикалов, их

⁴⁴ РН, v.18. P. 191, 306, 309, 341,343, 348, 349, 894-895.

⁴⁵ Ibid., v.29. P. 63,65, 71, 76, 85, 91-93, 101, 103, 121 etc.

⁴⁶ РН v.29. P.580, 1043-44, 1188-1192, etc.

⁴⁷ РН, v. 28. P. 354-372.

политическое мировоззрение и поведение. Парламентские дебаты и переписка современников дают возможность выявить представление об истории на повседневном уровне относительно репрезентативной группы – политически активного слоя дворянства – и констатировать достаточную размытость границы между прошлым и настоящим.

Однако интерпретация истории и её связь с политикой не были неизменными. Зачастую апелляция к фактам и событиям истории Англии была призвана показать ошибочность решения властей, неизбежно влекущих печальные последствия. Именно такой посыл имело обращение к кануну революции середины XVII столетия, которое оппозиционные виги использовали в период зарождавшегося конфликта с американскими колонистами. Если в середине 1750-х гг. годов политика Карла I и парламента расценивались ими, как следствие необоснованной тревоги, то в семидесятые годы – как следствие непродуманных действий короля и министров.

Актуализация прошлого во второй половине XVIII в. была вызвана переменами в политической обстановке в стране и мире, но, прежде всего, с кризисными ситуациями, когда исторический опыт был наиболее востребован для обоснования собственной позиции в политической полемике или при выборе политического курса. Это наиболее ярко проявилось на рубеже 1780–1790 гг. в контексте анализа обстановки во Франции, когда начальный этап революции ораторы приветствовали, сравнивая её со Славной революцией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Голдсмит О.: Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М., 1974.
- Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеры. М., 1971.
- Cavendish W. Memoranda or state of Affaires; The Devonshire diary, 1759-1762. L, 1982. The Grenville papers. V. 1. 1858.
- Walpole H. The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. L., 1840. V. 2.
- The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15, 16, 17, 18, 28, 29.
- The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer. L., 1775, 1778.
- The Parliamentary register; or, history of the proceedings and debates of the House of Commons L., 1797. V. 1.
- Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009.
- Айзенштат М.П. Власть и общество Британии второй половины 18 – начала 19 в. // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2008.
- Айзенштат М.П. (отв. ред.). Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М., 2012.
- Айзенштат М.П. Выборы в графстве Оксфорд 1754 г. // Британские исследования. Выпуск 3. Ростов н/Дону, 2010.
- Айзенштат М.П. (отв. ред.) Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011.

- Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998.
- Бобкова М.С., Мереминский С.Г. (отв. ред.). Терминология исторической науки. Историописание. М., 2008.
- Бодров О.В. Профессор М.М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань, 2006.
- Браун Е.Д. Создание Мифа о Войнах Роз (от Ричарда III до Шекспира) / Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. 3(11). Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории.
- Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.
- Гене Б. История и политическая культура на средневековом Западе. М., 2002.
- Ингер А.Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII в. // Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М., 1974.
- Креленко Н.С. Новое и новейшее время стран Запада: проблемы историографии и судьбы историков. Саратов, 2009.
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. 4 изд. М., 2013.
- Репина Л.П. (отв. ред.) 2008: История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008.
- Семенов С.Б. Теория древней конституции в трудах радикальных авторов 60-80 гг. XVIII в. // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2008.
- Соколов А.Б. «Первый урок для юношей»: формирование представлений о роли истории в трудах британских моралистов и педагогов в первой трети XIX века // Британские исследования. СПб., 2014.
- Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. М., 1996:
- Mitchell L. The Whig world. L., 2007.
- Smith H. Georgian monarchy: Politics and culture, 1714-1760. Cambridge, 2006.

REFERENCES

- Goldsmith O.: Grazhdanin mira, ili pis'ma kitajskogo filosofa, prozhivajushhego v Londone, svojim druz'jam na Vostoke. M., 1974.
- Chesterfield F. Pis'ma k synu. Maksimy. Haraktery. M., 1971.
- Cavendish W. Memoranda or state of Affaires; The Devonshire diary, 1759-1762. L, 1982. The Grenville papers. 1858. V.1,
- Walpole H. The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. L., 1840. V. 2.
- The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15, 16, 17, 18, 28, 29.
- The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer. L., 1775, 1778.
- The Parliamentary register; or, history of the proceedings and debates of the House of Commons L., 1797. V. 1.
- Ajzenshtat M.P. Vlast' i obshhestvo Britanii 1750-1850 gg. M., 2009.
- Ajzenshtat M.P. Vlast' i obshhestvo Britanii vtoroj poloviny 18 – nachala 19 v. // Britanija: istorija, kul'tura, obrazovanie. Jaroslavl', 2008.
- Ajzenshtat M.P. (отв. ред.). Istoricheskoy znanie i poznavatel'nye praktiki perehodnyh periodov vsemirnoj istorii. M., 2012:
- Ajzenshtat M.P. Vybery v grafstve Oksford 1754 g. // Britanskije issledovanija. Vypusk 3. Rostov n/Donu, 2010:
- Ajzenshtat M.P. (отв. ред.) Istoricheskij fakt kak argument politicheskoy polemiki. M., 2011.

- Barg M.A., Avdeeva K.D. Ot Makiavelli do Juma: stanovlenie istorizma. M., 1998.
- Bobkova M.S., Mereminskij S.G. (otv. red.). Terminologija istoricheskoy nauki. Istorio-pisanie. M., 2008.
- Boдрov O.V. Professor M.M. Kovalevskij. U istokov izuchenija anglijskoj obshhestvennoj i politicheskoy mysli v Rossii. Kazan', 2006.
- Braun E.D. Sozdanie Mifa o Vojnah Roz (ot Richarda III do Shekspira) / Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». 2012. 3(11). Znaniya o proshlom v politiko-pravovyh praktikah perehodnyh periodov vseмирnoj istorii.
- Vandalkovskaja M.G. P.N. Miljukov, A.A. Kizevetter: Istorija i politika. M., 1992.
- Gene B. Istorija i politicheskaja kul'tura na srednevekovom Zapade. M., 2002.
- Inger A.G. Goldsmit-jesseist i anglijskaja zhurnalistika XVIII v. // Goldsmit O. Gra-zhdanin mira, ili pis'ma kitajskogo filosaфа, prozhivajushhego v Londone, svoim druž'jam na Vostoke. M., 1974.
- Krelenko N.S. Novoe i novejshee vremja stran Zapada: problemy istoriografii i sud'by istorikov. Saratov, 2009.
- Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.Ju. Istorija istoricheskogo znaniya. 4 izd. M., 2013.
- Repina L.P. (otv. red.) 2008: Istorija idej i vospitanie istoriej: Vladimir Ivanovich Ger'e. M., 2008.
- Semenov S.B. Teorija drevnej konstitucii v trudah radikal'nyh avtorov 60-80 gg. XVIII v. // Britanija: istorija, kul'tura, obrazovanie. Jaroslavl', 2008.
- Sokolov A.B. «Pervyj urok dlja junoshej»: formirovanie predstavlenij o roli istorii v trudah britanskih moralistov i pedagogov v pervoj treti XIX veka // Britanskie issledovanija. SPb., 2014.
- Chudinov A.V. Razmyshlenija anglichan o Francuzskoj revoljucii. M., 1996:
- Mitchell L. The Whig world. L., 2007.
- Smith H. Georgian monarchy: Politics and culture, 1714-1760. Cambridge, 2006.

Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; m.aizen@mail.ru

The Past in political culture of Britain in 1750-1800

The article deals with the factor of the past in the everyday life, political behavior of Britons and British political institutes in 1750-1800. The author analyses a role of the past in the shaping of the political views of the Whigs and Tories, and in the parliamentary debates.

Keywords: political culture, history, past, Parliament, parliamentary debates, Whigs, Tories, Radicals.

Marina Ayzenshtat, D.Sc. (History), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; m.aizen@mail.ru